

2021

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В УКРАИНЕ *и прогностные внутриполитические сценарии*

I. Общие характеристики

II. Развернутые характеристики и оценки

- общество,
- духовная жизнь, культура,
- политика
- война на Донбассе
- международные отношения
- экономика

III. Прогностные внутриполитические сценарии

- «Стагнация и корпоративная перезагрузка»
- «Авторитарный переход»
- «Федерализация без федерализма»
- «Фрагментация»

руководитель проекта - Ермолаев Андрей

философ, SG SOFIA

Вступительная часть

В 2017 году были подготовлены первые «Прогнозные сценарии», матрица которых и была взята за основу данного материала. Прошло уже более 3 лет. Ряд качественных характеристик и оценок остались неизменны. Тем не менее, следует признать, что жизнь внесла коррективы в предложенные тогда прогнозные сценарии («линейный», «перезагрузка», «внутренний переворот», «украинская новогаревщина»). Протестный антивоенный и антикоррупционный потенциал общества был компенсирован выборной кампанией 2019 года. Режим Петра Порошенко так и не решился на чрезвычайные меры. Региональные элиты воспользовались радикальными переменами в Центре ради укрепления собственных кадровых и политических позиций перед выборной кампанией в местные органы самоуправления.

Социальные и территориальные потери (переход АР Крым в состав РФ, сепаратизм и «гибридная» война на Донбассе) не были трагичной случайностью или стечением геополитических обстоятельств, а являются частью развернувшихся внутренних трансформаций, тесно связанных с кризисом всего пост-советского пространства. «Вторая Трансформация» (Первая Трансформация – кризис и распад БССР) обусловлена прежде всего слабостями самой социальной системы Украины, неэффективностью сложившегося за годы независимости хищнического корпоративного государства, неудавшихся модернизационных изменений

в институтах и в экономике страны, и как следствия – началом процессов внутренней локализации и фрагментации.

Но в пост-майданной Украине Вторая Трансформация была понята и воспринята украинской полит-экономической элитой как шанс для внутреннего передела: власти, государства и его активов, сфер влияния, капиталов. И закономерно, что пост-майданная власть, сформировавшаяся в Украине в 2014 году, не справилась и не могла справиться с главной задачей своего времени – новой консолидацией общества на основе укрепления самоуправления и общегражданского мира.

Подмена самоуправления элитно-корпоративной «децентрализацией», демонтаж институтов социального государства (реформы в здравоохранении, образовании, науке и культурной сфере), укрепление силового блока (армия, спецслужбы, правоохранные органы и большая часть парамилитарных образований) и господство примитивной предпринимательской модели экономического развития **усилили** социальное напряжение, **стимулировали** новый отток человеческого капитала за рубеж, **повысили уровень** криминализации общества, **резко снизили** и без того невысокий уровень внутренней социальной толерантности.

Украина переживает Вторую Трансформацию как кризис самой государственности, что угрожает новыми конфликтами и новой фрагментацией.

В Украине традиционно много ожиданий

от господствующей политической силы во власти (президент и его окружение, «партия власти» в парламенте и правительстве). Возможно поэтому в качестве панацеи от разворачивающихся разрушительных процессов 2014-2018 гг. был избран путь широкой поддержки политических сил, которые воспринимались в обществе как «новое поколение», пришедшее на смену «старого».

Выборная кампания 2019 года (президентские и досрочные парламентские выборы) получила широко распространённую оценку «электоральной революции» (и даже «электорального Майдана»). На президентских и парламентских выборах 2019 года безоговорочную победу одержал Владимир Зеленский и его совсем молодая партия «Слуга Народа» с повесткой **мира и откровенного диалога с Россией** (Донбасс, Крым), **справедливости** (оплата труда, тарифы и цены на социально чувствительные товары, привилегии «политического класса», толерантность в национальных и языковых вопросах), **ответственной некоррупционной политики** (отказ от привилегий «политического класса», борьба с коррупцией), **удаленности от сотрудничества с олигархией**. Его оппонент Петр Порошенко проиграл во многом потому, что к выборам он ассоциировался у большинства избирателей с «партией войны» и с громкими коррупционными скандалами.

2020 год войдет в историю как год Глобальной Пандемии (COVID-19). Опасность смертоносной болезни затрагивает самые глубинные мотивы человека. **Это - витальный вызов, который отодвигает на второй-третий план все остальные житейские проблемы и невзгоды**. И в этом смысле, украинский **2020** год, как **год Катастроф** (пандемия, пожары, на-

воднения, авиакатастрофы, (...)), **выявил в украинском обществе еще достаточно сильный потенциал терпения и совместного со- и пере-живания. Как и в первые полтора-года войны на Донбассе (2014-2016), «глубинное общество» оказалось прочнее и выносливее «слабого государства» (weak state)**. Волонтерское движение, гуманитарная помощь населения, местные программы через органы самоуправления, бизнес-благотворительность – все это свидетельствует **о способности украинского общества переживать и действовать вместе. Но - такие социальные качества и способности были восприняты в самом обществе как «действие вопреки» политики самой власти.**

Для Украины **преодоление пандемии (COVID-19) стало тем самым «тестом на зрелость», провал которого делает необратимым кризис национальной власти.** (Впрочем, во многих странах с высоким уровнем заболеваемости пандемия стала «спусковым крючком» политических кризисов).

В свою очередь, **безответственность и неэффективность** украинской власти в жизненно важных вопросах борьбы с пандемией **легко переносились (экстраполировались) и на другие спорные и общественно болезненные вопросы:** земельная реформа, разрешение игорного бизнеса, политика займов (внешние займы, ОВГЗ), ограничения и давление на малый и средний бизнес, рост тарифов в ЖКХ, и пр.

Уже **через полтора года** после прихода к власти молодой «режим Зе» (Зеленский и команда его Офиса, монобольшинство «Слуги Народа» в парламенте) не только утратил реноме «национального победителя», но и лишился морального права на

такую важную для любой «партии власти» характеристику как «национальная сила». Политика нового «режима Зе» стала восприниматься как «несамостоятельная», зависимая «от внешнего управления», «колониальная». Те, кто был поддержан как «спаситель Украины» в 2019-м, стали воплощением нового закабаления и зависимости в 2020-м.

Следует также учитывать, что **для подавляющего большинства избирателей и сторонников Зеленского, новый Президент в 2019-м стал надеждой на устойчивый мир и на возвращение Донбасса.** Миротворческая позиция Зеленского, его первые шаги по восстановлению диалога с РФ и участниками Нормандской группы, успешный обмен пленными, результативная встреча Нормандской группы в Париже (декабрь 2019), - все это поддерживало позитивные ожидания. Вполне реальными представлялись и местные выборы на Донбассе уже в октябре 2020го. Активность Зеленского и его миротворческие инициативы 2019 года явно контрастировали с милитарным образом и воинственным патриотизмом экс-президента Порошенко. Запуск проекта **«Национальная Платформа примирения и единства»** (С.Сивохо) выглядел как **начало реализации масштабного президентского проекта**, который мог стать вторым успешным общественно-политическим проектом, наряду с новоявленной «партией власти» «Слуга народа».

Но миротворческий спурт 2019 года сначала был поставлен «на паузу», и уже к весне действия и заявления «режима Зе» мало чем отличались от заявлений экс-президента Порошенко. **В медиа, экспертно-политической среде и в массовом сознании нерешительность и пассивность Зеленского в 2020-м была вос-**

принята как «возврат» к «партии войны» (распространенный стереотип – «возврат к политике Порошенко»). И даже несомненный дипломатический успех Зеленского по обеспечению достаточно устойчивого режима прекращения огня (август 2020 - ...) не реабилитировал Президента. Многие сторонники мирных решений восприняли данное перемирие как «замораживание конфликта». **На фоне пандемических страхов и экономического спада «замороженный» конфликт стал также восприниматься и как новая норма, а общественный запрос на более решительные действия стал явно угасать.**

Интриги в ТКГ и смена руководителя украинской делегации (уход Л.Кучмы, приход Л.Кравчука) только усугубили ситуацию. Осенью 2020 года были представлены два несогласованных плана реализации «минских соглашений» (предложения от самопровозглашенных ЛДНР и т.н. «план Кравчука»). Но украинская сторона была явно не готова к диалогу и не воспользовалась рядом выгодных предложений, которые содержались в альтернативном плане (в частности, готовность сепаратистов к статусу «автономных районов», что соответствует положениям «Минских соглашений»). В итоге, переговорный процесс зашел в тупик.

В пассиве, на периферии событий оказалась и «Национальная Платформа примирения и единства», которая теперь стала делом нескольких активистов-одиночек, без поддержки Президента и его Офиса, и без активного участия в этом проекте актива президентской партии «Слуга Народа».

В целом же **миротворческая линия Зеленского оказалась безуспешной, и он фактически утратил реноме «президента мира»** (важнейшая черта победителя

президентской гонки в 2019 году, которая обеспечила высокую мобилизацию избирателей и большое доверие). В этом плане никакие «Большие стройки» и «электронные услуги» не заменят несостоявшегося примирения и восстановления единства с Донбассом. И это уже – и социологический, и очевидный факт.

Неудачные анти-пандемические меры-2020, плохое бюджетирование и плачевное состояние национального здравоохранения, крайне противоречивая информационная политика привели в движение все структуры общества: отдельные социальные слои (медики, предприниматели, пенсионеры), элитные группы (региональные элиты, выступившие против решений центральной власти), гражданское и медиа-сообщество, политическую оппозицию. В свою очередь, рост тарифов в сфере ЖКХ, потери рабочего места, падение доходов и общественное недовольство от размеров карантинных штрафов активировали более широкие слои населения. И если **к весне 2020 года** позитивные общественные ожидания сменились на разочарования, то **к осени 2020 года** вновь начался рост гражданских протестных акций. **«Врадиевский синдром»** - то есть готовность к быстрому и самоорганизующемуся активному гражданскому протесту – стал ярко выраженным социальным феноменом уже осени 2020-зимы 2021гг.

Терпение и способность к коллективному переживанию витальных вызовов, с одной стороны, и «рефлексы революции», с другой, создали ситуацию хрупкого равновесия, которое может длиться достаточно долго, но вместе с тем – и быстро рухнуть («осыпаться») из-за крупного и резонансного общего потрясения (- проблема «общей повестки»).

На местных выборах (октябрь 2020г.) главным победителем стали региональные элиты. Они усилили свои позиции благодаря политике децентрализации 2014-2020гг. И впервые после далеких уже 1994-1998гг региональные элиты выступили как самостоятельные, хотя и разрозненные игроки. Ни одна политическая сила (партия, блок) Центра, в диапазоне от правящей партии «Слуга Народа» до сильных и финансово обеспеченных оппонентов режима в лице «Евросолидарности» (экс-президент П.Порошенко) и ОПЗЖ (В.Медведчук), не смогла объединить региональные элиты вокруг себя, даже в ограниченных масштабах.

Регионы «ушли» из-под Центра, пользуясь имиджем «своих». И готовятся к большим торгам, а то и к «взятию» Центра.

К началу 2021 года «режим Зе» стал коллективным «анти-героем». Зеленский воспринимается теперь как предатель своего теле-художественного прототипа – «Голобородько». А его разочарованным и разгневанным избирателям нужны новые «герои». С каждым новым проколом или провалом Зеленского это желание будет только усиливаться.

В новых, витальных условиях страхов и катастроф, альтернативой может выглядеть либо новое «чудо», истинный «народный герой», либо же – маскулинный авторитет и дисциплинирующая сила, которые наводит порядок и ставят все на свои места.

**Народный Герой или Тиран.
Третьим тут будет мало места.**

I

Общие характеристики

1. Кризис/распад социальной системы (локализация и «провинциализация» жизни, высокий уровень трудовой, бизнес- и «образовательной» миграции, старение населения, рост доли прекариата среди работоспособной части населения).

2. «Слабое государство» (weak states) с кризисной политической системой, с полу-разрушенными институтами «социального государства» и гипертрофированными институтами безопасности и новыми механизмами регулирования свобод (карантинные режимы, digital-платформа «Дія», финансово-банковский контроль, пр.).

3. Де-индустриализация и фрагментация национальной экономики (падающий уровень внутреннего разделения труда, сырьевая ориентация, высокая импортозависимость, большая доля «теневого сектора» экономики).

4. Новая регионализация, опирающаяся на экономические и политические возможности, созданные децентрализацией в условиях распада внутривозрастных связей и экономического спада.

5. Геополитический и геоэкономический тупик. Превращение Украины в несубъектную территорию - часть «глобальной провинции», находящуюся за пределами крупных гео-проектов.

6. Формирование предпосылок дальнейшей политико-экономической фрагментации Украины.

II

Развернутые характеристики и оценки**Общество**

- разрушение «структур повседневности» и сложившихся жизненных укладов (работа, быт и личная жизнь, досуг). Локализация повседневной жизни. Распад внутринациональных горизонтальных связей. Снижение активности и уровня общественных коммуникаций вне производства и профессиональной сферы деятельности;

- ускоренный рост безработицы. Увеличение численности нового растущего социального слоя – **прекариата** (социальный слой работников наемного труда с непостоянным местом работы и без надлежащих социальных гарантий со стороны работодателя и государства). Высокий уровень внешней трудовой миграции, рост доли «невозвратной» миграции высококвалифицированной рабочей силы (сложные профессии – медики, инженера, промышленные рабочие, ученые);

- существенное снижение уровня доходов и стандартов жизни всех без исключения слоев общества. **«Новая бедность» украинского среднего класса;**

- **«нищий патернализм»** - рост зависимости общества от государства-работодателя (вооруженные силы, правоохранительные органы и спецслужбы, здравоохранение, образование, наука, социальные службы)

и государства-«паттерна» (пенсии, пособия по безработице, социальные компенсации по тарифам, услуги здравоохранения) в условиях хронического недофинансирования, огромной задолженности госбюджета и прямой зависимости Пенсионного фонда от государственных дотаций;

- конкуренция государства и местного самоуправления за патерналистские услуги (анти-пандемические карантинные меры, помощь предпринимательству, социальная помощь, поддержка медицинских учреждений, др.);

- дальнейший рост уровня криминогенности. Усиление организованной преступности, укрепление влияния криминалитета на политическую систему, особенно – на органы местного самоуправления. Высокий уровень «уличной преступности» и рост т.н. «бытовых преступлений»;

- падающий **«уровень доверия»** к новой государственной власти (состав, сформированный по итогам выборов 2019 года). Относительно высокий **«уровень терпения»**, мотивированный внутренними и внешними угрозами (пандемия COVID-19, война на Донбассе, экономическая нестабильность);

- **локализованный рост социального напряжения и стихийной гражданской активности**, связанный с реакцией общества на ограничение предпринимательских свобод, падение доходов, рост тарифов, коррупционные действия власти по перераспределению земельных и коммунальных активов, etc. Локальные бунты

и выступления свидетельствуют о **перезапуске т.н. «рефлексов революции»** (термин П.Сорокина), что было характерно для Украины со второй половины 2012г. и на протяжении всего 2013г. в канун событий на Майдане (**«врадиевский синдром»**);

- **пассионарность суб-пролетариев**, вовлеченных в военные действия на Донбассе. Политизация и высокая идеологическая мобилизация сторонников «национал-патриотизма» и «национал-этатизма»;

- **пассивность гуманитарного класса**, который за последние два десятилетия потерял социальный статус и возможности «среднего класса», и оказался в положении **«гуманитарного пролетариата»**. Разобщенность работников гуманитарной сферы, низкая гражданская активность и социальный пессимизм приводят к его «размыванию». Часть гуманитариев пополнили ряды трудовой миграции. Очевиден и дефицит общественных «моральных авторитетов», способных выразить общие интересы «гуманитарного пролетариата».

Некоторые обобщения. В условиях пандемии, войны и общего падения уровня жизни динамично разворачивается **«прекаризация»** широких слоев населения (промышленный сектор, малый бизнес, гуманитарная сфера) за счет высвобождения наемной рабочей силы и падения уровня самозанятости, резкого снижения уровня доходов **до критического минимума**. Возникли риски появления и **люмпен-пролетариев** (обнищавшая и незанятая часть городского населения, потерявшего работу и не имеющая постоянных доходов, включая отсутствие государственной и мест-

ной поддержки). Люмпен-пролетариат может стать новой наемной «уличной силой» для радикальных действий в крупных городах (столичный Киев, областные центры).

Весомая часть пенсионеров из более чем 12 млн, получающих пенсии Пенсионного фонда (без учета пенсионеров на территории самопровозглашенных ЛДНР) находится на грани «пауперизации» («городская нищета»). Вместе с тем, по оценкам наблюдателей, населению на неподконтрольной части Донбасса (особенно это касается социально незащищенных слоев) грозит настоящая гуманитарная катастрофа (доходы, условия жизни, питание, медицинская помощь и пр.)

Карантинные меры 2020-21гг обвалили и без того низкий уровень межрегиональных коммуникаций (общегражданских, бизнес-, культурно-гуманитарных), что **особенно ощутимо на Востоке Украины** (области, граничащие с территорией военных действий и мест дислокации ВСУ на Донбассе).

Снижение уровня внутренних коммуникаций и ограничение в перемещении на Востоке Украины стимулируют «локализацию» жизни и ориентацию людей на местные возможности и способы выживания, усиливают зависимость и лояльность жителей к местным элитами (власти ОТГ, района, города и области). **Это сыграло важную роль в предвыборном поведении и мотивации голосования избирателей** на местных выборах 2020 года.

Протестная активность, которая на протяжении 2020 года сдерживалась рисками пандемии и депрессивным состоянием общества в целом, снова начала нарастать к концу 2020-началу 2021го. Важно также учитывать, что рост протестных настроений и действий (пока) локального характера находит поддержку среди обновлен-

ного состава местной власти (по итогам местных выборов 2020 года), где ключевую роль играют местные элиты и местные полит-инвесторы. Протестный потенциал может быть резко повышен в случае крупных инфраструктурных потрясений (газо- и энергоснабжение), резонансных элитных скандалов (новые факты коррупции), громких политических событий трагедийного характера (резонансные политические преступления против гражданских прав).

Слабость гуманитарного «пролетаризированного» класса и дефицит моральных авторитетов усиливают радикально-популистские настроения активной части протестующих граждан. Вполне вероятен резкий рост влияния местных и общенациональных радикально-популистских сил.

Духовная жизнь, культура

- медийное пространство Украины крайне политизировано и подчинено интересам партийно-политических групп и отдельных политических инвесторов. Медиа-пространство носит выраженную пропагандистско-агитационную направленность;
- маргинализация повседневной духовной жизни, формирование устойчивой медиа-зависимости (ТВ и интернет-пространство). Утилитаризация потребления и ограниченность продукцией масс-культы;
- архаичные формы массового сознания, **высокий уровень гипнабельности** (подверженность пропагандистским установкам), доминирование **политических мифов** как системообразующих в представлении о происходящем;
- **новый вакуум «положительного образа будущего»**, де-мотивация общих целей и **доминирование установок на личное вы-**

живание;

- разрушение коммуникаций в сфере науки и образования. Деградация и старение структур академической науки. Увядание гуманитарной научной сферы и транс-национализация научных исследований и разработок в сфере естественных наук, новых технологий, инжиниринга,
- «элитаризация» продуктов «высокой культуры» (искусство), отсутствие эффективной и целенаправленной культурной политики в медиа со стороны государства (телевидение, образовательные и просветительские интернет-платформы, видео- и текстовый контент), фактическая недоступность «высокой культуры» для массового потребителя, упадок традиционных культурных учреждений (театры, музеи, пр.).
- кризис общественного воспитания, технократизм в образовании (навыки, профессия). **Высшее образование превращено в экспортную отрасль по производству профессионализированного человеческого капитала**, требующего «до-образования» и включения во внешний экономический контур («образовательная миграция» с Украины в вузы стран Центральной и Западной Европы, Великобритании, США и РФ).

Дополнительный комментарий. На смену прошлым моделям (2010-2019) монополии власти на информационную повестку с помощью контроля за ведущими СМИ (ТВ, влиятельные интернет-издания, информационные агентства) пришла медиакратия как сложившаяся **политэкономическая сила**, использующая медиа-ресурсы в качестве инструмента борьбы за власть. Во-первых, коммуникационные сети и «се-

тевые каналы» (Телеграмм-канал, и пр.) оттеснили традиционные интернет-ресурсы, на смену редакционных политик пришли анонимная информационная политика влияния, интерпретаций и спекуляций. Во-вторых, ТВ-каналы стали неотъемлемой частью партийно-корпоративной политики и способом «выращивания» теле-политиков – нового явления в украинской политике. В третьих, информационно-политическая повестка полностью подчинила себе повестку социальную (повседневность), экономическую и культурную. Подавляющее большинство информационных медиа-ресурсов отводят неполитической тематике вторичную, а то и третичную роль.

Пропагандистская и кич-продукция «информационной войны», а также планомерная изоляция национального информационного пространства создают эффект закрытого «парового котла»: подверженность массового сознания сенсационным фактам, ожидание «правды». Заниженный культурный уровень среды позволяет легко манипулировать массовыми настроениями (пример – информационные манипуляции с тематикой пандемии).

Политизация самоуправления, произошедшая в ходе последней выборной кампании (2020), существенно капитализирует медиа-ресурсы регионального и межрегионального уровня. Вполне вероятен «эффект медиа-матрешки», когда информационная и пропагандистская политика на общенациональном уровне и ведущаяся там политическая борьба будут переноситься на региональные площадки, с включенным участием региональных элит и их медиа-ресурсов. Новая информационно-политическая и смысловая «медиа-карта» уже в ближайший год-два может стать еще одним катализатором углубленной

регионализации и фрагментации всего общенационального медиа-пространства.

Сама **сфера политики**, в которой все большую роль играет медиакратия и медиа-менеджмент, **де-интеллектуализируется** (по существу, элиты переживает «интеллектуальный дефолт»). Разрыв между знанием, технологиями управления и реальными социальными интересами достигает критически опасного предела. Неслучайно политический миф о «внешнем управлении», как проявлении несамостоятельности и некомпетентности, стал одним из самых воспринимаемых и распространенных в Украине политических мифов последних двух лет (2019-2020гг).

Кризис отечественной науки и ее институтов, судя по происходящему в последние годы, приобретает **необратимый характер**. Свидетельство тому – «старение» ученого мира, отсутствие преемственности, плачевное материальное и кадровое положение подавляющего большинства академических структур, снижение уровня образования в ведущих университетских центрах, большой отток учащейся молодежи за рубеж («**образовательная миграция**»).

По сути, Украина превращается в страну-потребителя внешнего образования и внешних знаний, что наряду с технологической и финансовой зависимостью угрожает резким падением качества человеческого капитала и наращивания экспорта образованной рабочей силы за рубеж для «до-образования» и перераспределения в другие экономики.

Политика

• Кризис политической системы:

- **«верхний контур»** - конфликтное состо-

яние отношений Конституционного суда и Президента Украины (осень-зима 2020-21гг.), по сути же – полноценный конституционный кризис, выраженный во противодействии ветвей власти;

- **«средний контур»** – неэффективность парламентско-президентской модели, при фактическом сохранении реального центра власти за Президентом, его Офисом и подчиненными ему спецслужбами;

- **«нижний контур»** – конфликт компетенций правительства и самоуправления, что уже стало поводом для неисполнения законов и решений исполнительной власти (напр., бойкот «войны карантинных решений»), и пр. Произошла фактическая **«регионализация» государственных компетенций, за исключением силовой, правоохранительной и судебной функций.**

Кризис политической системы с неизбежностью приведет к системному политическому кризису, выходом из которой могут быть либо полноценная реформа политической системы, либо досрочная смена состава власти (выборы), либо же «гибридное» сочетание этих двух вариантов. Открытым остается и вопрос управляемости или конфликтности событий, сопровождающих этот кризис (различный опыт 2000го, 2004го и 2014го гг. в Украине).

• **«псевдо-парламентаризм».** Президентская партия «Слуга народа, имеющая номинальное большинство в парламенте, несамостоятельна в своих инициативах и решениях, представляет собой набор «групп влияния» с разными центрами нелегального финансирования, и de facto находится в «ручном управлении» Офиса Президента (ОП).

Оппозиционные партии и группы, представленные в парламенте, получают до-

ступ к властным ресурсам и решениям посредством механизма «политической коррупции» - и через «группы влияния» во фракции «Слуга Народа», и посредством коррумпирующего президентского аппарата (ОП). Таким образом, сложился по-своему уникальный механизм «невидимого» корпоративного управления законодательной и исполнительной властью, очень напоминающее **«колесо власти»**: ОП находится под влиянием политических инвесторов оппозиционных или союзнических политических сил вне «Слуги народа», реализует инициативы и решения через механизм партийной дисциплины моно-большинства и его частичное негласное финансирование, а в самом парламенте часть «групп влияния» «СН» получает дополнительные стимулы от оппозиционных или нейтральных фракций и групп. Выгода от такого «колеса власти» очевидна: имиджевые потери несет **только** «Слуга Народа» (вернее, ее корпус депутатов- статистов), а реальные выгоды от бюджетных решений и политических инициатив – президентское окружение и внешние политические инвесторы (олигархические группы, спонсоры и лидеры парламентских партий и групп).

В этом «колесе» практически не учтены интересы усилившихся региональных элит, что тоже создает дополнительный очаг напряжения и является поводом для критики Центра со стороны местного самоуправления (размеры субвенций, бюджетирование проектов местного самоуправления по линии Фонда регионального развития, налоги и сборы, карантинные меры и т.п.);

- **институциональный кризис крупных парламентских партий** (фасадность «коалиции» и «оппозиции» в парламенте, отсутствие у парламентских партий де-

еспособных общенациональных партийных структур). Выборы в органы местного самоуправления в 2020 году на основе открытых партийных списков за короткое время мобилизовали в ряды парламентских партий десятки тысяч новых номинальных членов. Но в подавляющем большинстве случаев партийный депутатский корпус на местах тесно связан и зависим от местных региональных центров власти, субординирован под местные партийные и блоковые проекты, которые определяют лицо и идеологию каждого региона независимо от номинального партийного состава областного, городского или районного совета. Местные элиты, используя партизанское (2020г.) выборное законодательство, сформировали новую политическую архитектуру за счет успеха местечковых партийно-политических проектов («Доверяй делам», «Пропозиція», Блок Кернеса, Блок Вадима Бойченко и пр. Всего, по разным оценкам, в местных выборах участвовало около 3 сотен местных партий и блоков разного масштаба), овладели политическими технологиями, создали свою медиа-инфраструктуру влияния и постепенно превращаются в нового субъекта общенационального политического процесса, наряду со старыми центрами – Президент и Офис, парламентские партии, правительство и силовые структуры. Таким образом, **шансы парламентских партий («Слуга народа», ОПЗЖ, «Євросолидарність», «Батьківщина», «Голос», «За майбутнє») на развитие дееспособной и политически консолидированной структуры на основе местного депутатского корпуса – минимальны** (дорого, много «случайных» людей и делегатов от местных элит, у парламентских партий практически отсутствует инфраструктура для обеспечения повседневной внутрипартийной работы);

- в 2020 году существенно **измени-**

лась архитектура местной власти за счет укрупнения административных районов. Вместо 490 районов образовано 136 новых районов, каждый из **которых обретает потенциал и возможности микро-региона.** Некоторые административные области Украины получили по 3-4 района (напр., Тернопольская, Хмельницкая – 3 района, Полтавская и Черкасская – 4, и т.д.). Новая структура самоуправления (районные советы) и административной (главы госадминистраций/префекты) существенно усиливает позиции местных элит, обеспечивая новый уровень концентрации власти и ресурсов;

- **усиление организованного националистического движения:** «уличный национализм» на основе радикальных национал-патриотических партий и объединений («Патриот Украины», «Национальный корпус»-«Азов», «Свобода», «Правый сектор», С14 и др.) и политическая патриотическая оппозиция («Евросолидарность», «Голос» и др.). Большинство этих организаций имеют невысокие показатели общественной поддержки. Но отличаются высоким уровнем организации, подготовленным корпусом молодежного актива (включая спецподготовку), активно привлекают в свои ряды участников добробатского движения, проводят регулярные массовые акции (митинги, демонстрации, факельные шествия, пикетирование и т.д.). По мере укрепления электоральных позиций партии экс-президента Порошенко «Евросолидарность», последняя, имея крупную фракцию в парламенте и солидный депутатский корпус в органах самоуправления, претендует на роль лидирующей национал-патриотической силы в этом крыле.

- **«феодализация» региональных политик:** локализация деятельности регио-

нальных элит (местные власти и бизнес), рост настроений «экономического сепаратизма», усиливающийся после выборов 2020го года, - с особыми полномочиями и статусами для отдельных регионов. Формируются предпосылки для украинского «новоогаревского процесса» (сговор нынешних составов центральной власти и господствующих региональных элит на основе новой децентрализации в экономике и полномочиях всех уровней, оформленный как «политическая реформа»);

- **рост этно-культурного сепаратизма** - как реакция на национал-этатистскую политику государства (венгры и русины в Закарпатье, крымские татары, в перспективе – поляки и русские в районах компактного проживания и в регионах «геополитического напряжения»);

- **эрозия общего гражданского пространства.** Кроме паспортизации граждан Украины, проживающих в Крыму и на Донбассе, имеют распространения паспорта Венгрии, Румынии и других стран ЕС, государств-оффшоров, и др. В последние годы увеличивается число граждан Украины, подающих документы на вид на жительство в Польшу, страны Балтии и др. С учетом оформления таких суррогатных документов с перспективой обретения гражданства как «карта поляка», речь идет о 500-700 тысячах украинских граждан (и даже более). Неурегулированность вопроса о двойном гражданстве и отсутствие единого реестра граждан с двумя и более паспортами создают почву для прямого и косвенного давления на граждан, ограничения их свобод.

Дополнительный комментарий. Неэффективность и кризис политической системы стали основной причиной дальнейшей де-

градации украинской государственности. Дисбалансы во взаимоотношениях президентуры, судебной, законодательной и исполнительной власти, и растущие амбиции местного самоуправления создают почву для очередной, 3-й по счету за последнее десятилетие, бунтарско-протестной ситуации.

Украинская политика стала мельче и еще более раздроблена, чем ранее. Ни одна из парламентских сил не справляется с ролью общенациональной.

Ощутим и **дефицит политиков-лидеров общенационального масштаба.**

Усилились влияние и авторитет региональных лидеров (уровень – областные и городские советы, мэрии крупных городов).

В этой ситуации обеспечить власть лишь одной правящей группы возможно либо путем установления временной личной диктатуры (что маловероятно), либо путем сговора правящих элит, где ценой стабильности и лояльности станет прежде всего фактическое усиление полномочий и самостоятельности правящих региональных групп.

«Федерализация без федерального договора» - один из сценариев компромисса элит в случае дальнейшего углубления политического кризиса в 2021 году.

Война на Донбассе

- **война на Донбассе больше не является эффективным инструментом внутренней экономической и социальной мобилизации в стране** (как это было в 2014-2017гг.), и не «сдерживает» внутреннее социальное напряжение в Украине;
- **провал миротворческих инициатив и обязательств 2019 года** (Нормандская

встреча, декабрь 2019г.) **привел в 2020-м году и к краху надежд и доверия к возможному мирному исходу.** Возвращение Донбасса в состав Украины перестало быть общей идеей. Мир все больше воспринимается как прекращение военных действий и решение нескольких наиболее резонансных проблем для жителей Донбасса (правовой режим перемещения, свобода и простота коммуникаций, социальные обязательства государства, реабилитация территорий после военных действий). **По существу же, началась социальная легитимация «Украины без Донбасса».** В 2020 году угроза пандемия коронавируса, и издержки, возникшие с политикой локдаунов и ограничений, отбросили проблемы мира на 2-3 место;

- после достижения устойчивого прекращения огня (август 2020г.) военные действия носят локализованный позиционный характер, связанный с затягиванием времени и «закреплением» позиций («границ») сторон конфликта;
- **интернационализация конфликта и профессионализация** непосредственных участников: присутствие в конфликте на добровольных началах сотен граждан других государств, контракты с военнотрудовыми, привлечение профессиональных военных с других стран на контрактной основе, ре-мотивация участников (война как источник доходов), создание международных механизмов поддержки воюющих сторон (оружие и спецоборудование, обучение военнослужащих, разведданные, координационные военные и дипломатические центры, и пр.);
- **экономическая блокада Донбасса и разрыв общего национального экономического пространства.** Это решение украинской власти (2017г.) рассматривалось как эффективный способ изоляции

региона и подталкивания к ускорению внутреннего кризиса на Донбассе. Но за три года блокада привела к непоправимым последствиям: потере десятков предприятий угольной, металлургической, промышленной и агропромышленной отраслях; разрушению сложившегося за более чем 20 лет внутреннего разделения труда, огромному оттоку профессиональной рабочей силы из Донбасса за пределы Украины; деградации социально-экономической системы Донбасса и разрушению «инфраструктуры жизни» (коммуникации, жилой фонд, торговые и финансовые сети, и пр.). ВВП Украины с 2013 по 2020 упал более чем на 17%, и добрая половина потеря, прямо или косвенно, связана с войной на Донбассе и экономическим блокированием региона;

• **рост угрозы экологической катастрофы на Донбассе** (прежде всего, по причины подтопления региона, разрушения геологических структур, влияющих на состояние поверхности), которая по своим масштабам и последствиям может нанести непоправимые последствия для населения Донбасса, включая подконтрольные территории Украины и Российской Федерации (Ростовская область). **Экологи и геологи оценивают перспективу этой угрозы в 5-10 лет**, в зависимости от природных и антропогенных факторов, и прогнозируют появление нового социального феномена – «экологических беженцев» (некоторое сходство с «переселенцами-чернобыльцами»).

Дополнительный комментарий. «Тлеющий» конфликт укрепляет размежевание Украины с Донбассом, мотивирует воюющие стороны к окончательному политическому, социальному и экономическому «разводу».

Вместе с тем, связанные с безопасностью

и обороной ВСУ и Нацгвардия, сотрудники спецслужб, а также бывшие участники боевых действий превращаются в самодостаточную и политизированную социальную силу, которая составляет существенную часть социальной базы власти. Патриотические настроения и положение «военной рабочей силы» - две важные характеристики этой силы. Лояльность многотысячной военной армии (мобилизованные, контрактники, добробаты) связана со стабильностью их материального положения (финансирование армии и сохранение режима мобилизованности) и сохранением национал-этатистской повестки государственной политики. Потенциально эта социальная сила составляет базу для дальнейшего укрепления во власти т.н. «партии войны», либо же может стать основой для радикальной оппозиции в случае радикальных сдвигов в переговорном и миротворческом процессе.

На Донбассе «тлеющий конфликт» и экономическая блокада могут привести к внутренним потрясениям и изменениям в составе нынешних «военных режимов» самопровозглашенных ЛДНР. Но автономистские (сепаратистские) настроения будут устойчивы, независимо от смены состава, что связано с «травмой войны» и невосприятием национал-этатистской идеологии украинских властей.

Международные отношения

• падение авторитета международных структур как действенных институтов в решении национальных проблем войны и мира (ООН, ОБСЕ). Украинская власть делает ставку преимущественно на геополитические инструменты – межгосударственные платформы и альянсы, военно-политическое сотрудничество, ди-

пломатию, скоординированную санкционную политику;

- «кризис доверия» со странами-лидерами ЕС в связи с неэффективностью переговорного процесса по прекращению войны на Донбассе, подрыв репутации участников Нормандского переговорного процесса (Германия, Франция, Украина, РФ) из-за нереализованных обязательств последней Нормандской встречи (декабрь 2019);

- после геополитического вакуума, возникшего по периметру Украины с 2014 года («гибридная война» с РФ, рост напряжения с Венгрией и Польшей, стратегическая неопределенность с Турцией и Румынией), **Украина в 2020-м активно включилась в два «периметральных» проекта – «Люблинский треугольник»** (договор Польши, Литвы, Украины) и **«Великий Туран»** (посредством стратегического партнерства с Турцией, с вовлечением в проект крымско-татарского фактора). Эти шаги принесли быстрые дивиденды: существенное сближение Украины с Польшей и с Турцией, включая такие аспекты как военно-промышленное сотрудничество и сотрудничество в области региональной безопасности. Вместе с тем, оба проекта связаны с новыми линиями раскола и размежевания на континента (Центральная Европа, Кавказ и Черноморско-Каспийская Азия). Можно предположить, что **эти проекты станут технологическим дополнением к геопроекту БритАмерики** (новый стратегический альянс США и Великой Британии, с перспективой формирования нового трансконтинентального экономического сообщества, известного как «Индо-Тихоокеанский проект», или «Индо-Пасифик»). В случае с Украиной речь идет о новых «линиях сдерживания» процессов внутри-континентального сближения, и о формировании новых «санитарных по-

ясов» с выраженной **геокультурной** составляющей (Великий Туран и новая роль Турции на юге континента; «Люблинский треугольник» и перезапуск исторических связей участников «Речи Посполитой» - в Центральной Европе);

- ставка на активное включение дипломатии Великой Британии и США в преодоление «гибридной войны» Украины и РФ. Возвращение к теме ответственности сторон «Будапештского Меморандума». Приглашение США и Великобритании в состав «Нормандской группы». Создание новой политико-дипломатической платформы – **«Крымской платформы»** (лето 2021г.), **где предполагается объединить вопросы Крыма и Донбасса в «общий кейс»;**

- Процесс в Гаагском суде может стать не только поводом для обострения политико-информационной кампании против РФ, но и фактором обострения внутреннего политического процесса в самой Украине (проблема военных преступлений, соблюдение прав человека, права национальных меньшинств в Украине, etc.).

Дополнительный комментарий: Невыполнение обязательств сторон согласно последним договоренностям на встрече Нормандской группы (декабрь 2019г.) и эгоизм новой украинской власти создали дополнительные репутационные риски для руководства Франции и Германии.

Геополитический конфликт Украины и РФ, обернувшийся включением Крыма в состав РФ и в вооруженный конфликт («гибридную войну») на Донбассе, резко изменили режим безопасности в ЕС, и создали угрозу разрушения европейского порядка (границы, размещение вооруженных сил, обострение в «точках напряжения» по вос-

восточно-европейской границе ЕС).

Вместе с тем, неготовность Украины к компромиссам и двустороннему диалогу с РФ, потери европейской экономики от санкций в отношении РФ создают почву для **прагматизации политики лидеров ЕС** (реализация газотранспортных проектов, взаимодействие по преодолению пандемии коронавируса, возможное сотрудничество по европейской «водородной стратегии», и – что очень болезненно для Украины – пересмотр санкционного режима).

Не исключено, что уже к 2022 году, после преодоления пандемии и европейских выборных кампаний, позиция ЕС и ее лидеров будет существенно ужесточена. В частности, в вопросе Крыма – «замораживание» ситуации; в вопросе Донбасса – принуждение к внутреннему диалогу о переобустройстве Украины (автономные районы или даже федерализация) и к двустороннему переговорному процессу Украины-РФ. Что в свою очередь усилит напряжение между ЕС, США и Великобританией, ослабит авторитет и значение создающейся «Крымской платформы».

Любые попытки украинской власти укрепить свои позиции за счет эскалации конфликта будут блокироваться всеми возможными способами.

Неприемлем и вариант «новой границы», что будет рассматриваться как попытка пересмотра всего европейского порядка. А это значит, что сценарий «заморозки конфликта» если и возможен, то **как временный и переходной, с четко оговоренными условиями и сроками.**

Критической и пока мало прогнозируемой может быть ситуация в том случае, если украинская сторона продолжит экономическую блокаду и будет оттягивать с новым переговорным процессом по

«минским соглашениям», а РФ, в свою очередь, увеличит объем помощи самопровозглашенным республикам и пойдет на (частичное) признание т.н. ЛДНР как своих легитимных партнеров.

Новая администрация США (Дж.Байден, демократы) будет активно продвигать политику «давления на Россию», консолидации БритАмерики и ЕС в вопросах «сдерживания России»: укрепления евро-атлантического сотрудничества, укрепления «санитарных» центрально-европейского и южно-азиатского «поясов». **Но - высока вероятность существенного расхождения в стратегиях ЕС и БритАмерики в этих вопросах.**

Экономика

- критическое накопление внешнего государственного долга, пред-дефолтное состояние (государственный долг Украины составляет 90 млрд. долл. США, что составляет 62,5% ВВП. Выплаты по госдолгу в 2021 году – 20,65 млрд. долл. США);
- критическая диспропорция в структуре госбюджета-2021 (треть расходной части бюджета – выплаты госдолгов, примерно пятая часть бюджета – траты на оборону и силовые структуры, шестая часть - на компенсацию дефицита Пенсионного фонда. Общее падение доходов от реального (продуктивного) сектора экономики - и прямая зависимость от внешнего кредитования по линии МВФ и внешней финансовой помощи (ЕС));
- де-капитализация активов крупных национальных ФПГ, риски банкротства и сворачивания деятельности «олигархических холдингов», крах финансовых и строительных «пирамид»;

- укрепление военно-промышленного и аграрного секторов как относительно стабильных. Продолжающееся разрушение кластеров старо-индустриальной промышленности (ГМК, химический комплекс, тяжелое машиностроение), локализация производственных комплексов на территориях, ориентированных на производство с/х сырья и продукции. Ускоренная де-индустриализация, сворачивание и/или остановка сложных производств, не связанных с оборонным заказом или с участием в «Большой стройке» (крупные капитальные вложения государства в строительство дорог);
- доминирование государственного финансового капитала на банковско-финансовом рынке (около 50%), зависимость финансово-кредитной политики госбанков от кабальной заемной политики правительства и НБУ («пирамида» ОВГЗ);
- Сворачивание емкости внутреннего рынка в связи с падением покупательной способности населения, кризис и потери малого и среднего бизнеса (торговля, услуги, транспортные перевозки, локальное мелкотоварное производство);
- Дисбаланс внутреннего рынка труда. Рост безработицы (в 2021 году – около 10%, в то время как в 2019-м – было 8,6%). Рост доли временно занятых. Высокий уровень эмиграции квалифицированной рабочей силы за рубеж, увеличение предложения низкоквалифицированной рабочей силы на внутреннем рынке и дефицит высокообразованной, квалифицированной рабочей силы (особенно – в сферах здравоохранения и образования).
- Запуск рынка земли (июль 2021 года) может стать «спусковым крючком» новой социально-экономической дестабилизации в связи с угрозами передела земельных

ресурсов, спекуляций, рейдерских захватов, рисков банкротства агропредприятий и фермерских хозяйств.

Дополнительный комментарий: Экономический кризис в Украине носит выраженный геоэкономический и структурный характер. Разрушению и/или трансформации подвержены прежде всего те экономические комплексы, которые были увязаны в разделение труда с пост-советским пространством (РФ, стран ЕЭС, др.).

В ГМК, ТЭК, химпроме, ОПК, транспорт происходят радикальные изменения: разрыв связей, потеря или изменение рынков, остановка предприятий, формирование новых локальных связей. Как результат, подрываются позиции ведущих финансово-промышленных групп («старой олигархии»), реально или потенциально составивших конкуренцию правящим силам.

Доминанта во власти торгового, финансового и агропромышленного групп капиталов существенно влияет на экономическую политику: радикальным образом перепрофилируется экономическая модель (аграрно-сырьевая ориентация), резко изменяется социальная ситуация (безработица и обнищание основной массы населения – как результат де-индустриализации и общего падения доходов). Высокая зависимость от внешнего финансирования и начавшийся «эффект домино» в промышленности (сбои в ТЭК, падение производства в гражданском машиностроении) создают ситуацию перманентной нестабильности, прямой зависимости от конъюнктуры глобального рынка с/х продукции, уязвимости национальной валюты, дефляционному перепроизводству из-за падения покупательной способности населения.

Локализация экономик в рамках агро-ре-

гионов стимулирует экономический эгоизм местных элит. Борьба за дополнительные доходы постепенно смещается в плоскость конкуренции за местные природные ресурсы (земельные ресурсы и участие региональных властей в природной ренте), что станет почвой для экономического сепаратизма регионов. Риск новых кризисов (неплатежи, рост цен, энергопоставки) только усилят местечковые автономистские настроения, еще больше сблизив интересы населения и региональных элит.

Начало функционирования рынка земли и связанные с этим социально-экономические последствия могут только усилить экономический сепаратизм и эгоизм местного самоуправления, которое, вероятнее всего, выступит с позиций защиты интересов владельцев паев и местных арендаторов. Таким образом, земельная реформа может стать катализатором нового регионального прагматизма и экономического сепаратизма, усилит раскол и конфликт между Центром и регионами, укрепит внутри-региональные вертикали элит (ОТГ-район-область).

III

Прогнозные внутриполитические сценарии

Изложенные характеристики и оценки свидетельствуют об инерционности процессов, «инерции затухания» развития, и формировании предпосылок новой фрагментации страны.

Предлагаются четыре гипотетических внутриполитических сценария, с разной степенью вероятности.

Сценарий 1.

«Стагнация и корпоративная перезагрузка»

По существу, речь идет об инерционном варианте развития событий, с учетом уже накопившихся проблем и конфликтов в среде политических элит. Социальное обострение ситуации, связанное с экономическими последствиями «локдаунов» в условиях пандемии COVID-19 и ростом тарифов в ЖКХ, компенсируется мелкими уступками власти. Перезагрузка состава правительства (**«корпоративная коалиция»**), в которую войдут представители всех крупных политинвесторов.

Мирный процесс на Донбассе будет заморожен, режим прекращения огня будет поддерживаться.

Ключевые темы лета 2021 – рынок земли и «Крымская платформа» во внешней политике – могут резко поднять градус социально-политического напряжения. Есть реальный риск нового ухудшения отношений с РФ, вплоть до взаимных санкций (как последствия решений и заявлений «Крымской платформы»).

Консолидация населения, бизнеса и региональных элит вокруг «защиты земли».

Критический период – вторая половина лета-начало осени (крупные внешние выплаты, проблемы с Госбюджетом). Рост политических протестных акций, подталкивание Президента к решению о досрочных парламентских выборах (радикальный вариант – 4 квартал 2021, оптимальный вариант – первый квартал 2022г.).

Выборы в парламент на партийной основе (закрытые партийные списки), что стимулирует временные коалиции региональных элит с «олигархическими» партиями.

Новая олигархическая коалиция с Президентом весной 2022 года, с гарантиями его власти до 2024 года.

Сценарий решает проблемы самозащиты крупного политического бизнеса (основные олигархические группы), **фактически означает «прощание с Донбассом».**

Обстоятельства. Слабость партии «Слуга народа» уже подталкивает Зеленского к игре «над партией». Вариант полного срока в обмен на корпоративные компромиссы может рассматриваться как вполне приемлемый.

Внешние игроки, США и Великобритания, могут использовать такой сценарий для обеспечения максимальной лояльности политико-экономических элит (легализация капиталов, гарантии от санкций) и использовать нерешенные проблемы Донбасса в рамках политики разведения РФ и Евросоюза.

Евросоюз займет нейтральную позицию, заморозив или даже отказавшись от Нормандского формата как неэффективного, выстраивая свои интересы с РФ и ее союзниками «над» украинской проблемой.

Сценарий вполне вписывается в рамки т.н. «Малой Украины»,

Вероятность – выше средней.

Сценарий 2.

«Авторитарный переход»

Социальное обострение ситуации, связанное с экономическими последствиями «локдаунов» в условиях пандемии COVID-19 и ростом тарифов в ЖКХ, компенсируется мелкими уступками власти. Но перезагрузка состава правительства будет радикальной и будет представлена как создание «сильной антикризисной власти».

Привлечение знаковой фигуры-лиде-

ра на пост премьер-министра, перезагрузки в силовом блоке (СБУ, МВД, антикоррупционные органы), новая «зачистка» глав областных администраций. Политика «зажимания гаек» в отношении самых крупных политических оппонентов (бизнес, медиа, компромат).

В парламенте происходит перезагрузка коалиции. К партии «Слуга народа» присоединяется в качестве коалициантов одна-две новые фракции, принимается новый антикризисный (анти-катастрофический) коалиционный план.

Мирный процесс на Донбассе может быть продолжен как новый раунд обсуждения «планов реализации Минских соглашений». Смена состава украинской делегации в ТКГ. Возможные подвижки в украинско-российских отношениях (вплоть до переговоров). Возможен план «переходного периода» до **2024** года (год парламентских выборов).

Земельный вопрос процедурно замораживается (например, за счет усложнения процедур и правил купли-продажи земли), достигается компромисс с региональными элитами.

«Крымская платформа» ограничивается экспертно-дипломатическим форумом.

Тема досрочных выборов снимается с повестки. Возможная альтернатива – подготовка глубокой реформы политической системы (возможно шире – конституционной реформы) с ориентацией на выборы-2024 (парламент, президент).

Обстоятельства. Зеленский должен будет принять факт «двух лидеров», один из которых будет играть роль силового правителя. Большинство олигархических групп уйдут в глухую оппозицию. Украина окажется в условиях жесткой информацион-

но-идеологической войны и даже репрессий.

В этом сценарии ЕС будет вести себя более заинтересованно, чем США и Великобритания. Много будет зависеть от позиции и политики РФ.

Вероятность – **средняя**.

Сценарий 3.

«Федерализация без федерализма»

Социальное обострение ситуации, связанное с экономическими последствиями «локдаунов» в условиях пандемии COVID-19 и ростом тарифов в ЖКХ, компенсируется мелкими уступками власти. Перегрузка состава правительства и привлечение новых «технических фигур» позволит выиграть время до лета 2021г. Мирный процесс на Донбассе, вероятнее всего, будет заморожен, режим прекращения огня будет поддерживаться.

Ключевые темы лета 2021 – рынок земли и «Крымская платформа» во внешней политике – могут резко поднять градус социально-политического напряжения. Есть реальный риск нового ухудшения отношений с РФ, вплоть до взаимных санкций (как последствия решений и заявлений «Крымской платформы»).

Консолидация населения, бизнеса и региональных элит вокруг «защиты земли».

Критический период – вторая половина лета-начало осени (крупные внешние выплаты, проблемы с Госбюджетом). Рост политических протестных акций. Блокирование органов власти. **Продвижение инициативы об ускоренной реформе политической системы с обязательным созданием верхней палаты парламента – палаты регионов, и развития института**

регионального экономического автономизма (при широкой и активной поддержке местных элит). Возможен **референдум** и проведение **досрочных парламентских выборов** (вторая половина 2022 года).

Высока вероятность оформления «мягкого федерализма» с развитием института автономии. РФ получает возможность наращивать влияние на элиты юго-восточных и южных регионов. Новый раунд переговоров о Донбассе, границах и украинско-российских отношениях будет возможен не ранее 2023/2024гг. В будущем составе центральной украинской власти появятся новые группы влияния, «выросшие» из состава региональных элит.

Обстоятельства. После выборов 2020 года региональные элиты получили возможность открытого политического «фрондирования» с Центром, опираясь на новую политико-партийную структуру местных советов. Большая часть депутатского актива из других партий уже в ближайшее время будет перетянута/перекуплена в собственные объединения и блоки. В случае, если в центре не состоится новая «корпоративная сделка» и изменения ограничатся только техническими перестановками, **региональные элиты смогут нарастить давление.**

Вероятнее всего, все крупные западные партнеры (США, Великобритания, ЕС) займут в этой ситуации нейтральную позицию, ограничиваясь лишь рамками **недопущения распада и нового сепаратизма.** Активнее будут себя вести страны «по периметру», стремясь усилить свое влияние на регионы своих приоритетных интересов (Румыния, Молдова, Венгрия, Польша, Турция).

Сценарий вписывается в рамки т.н. «Малой Украины».

Вероятность – ниже средней.

Сценарий 4.**«Фрагментация»**

Социальное обострение ситуации, связанное с экономическими последствиями «локдаунов» в условиях пандемии COVID-19 и ростом тарифов в ЖКХ, компенсируется мелкими уступками власти.

Перезагрузка состава правительства ограничится «техническими фигурами» позволит выиграть время до лета 2021г. Мирный процесс на Донбассе будет заморожен, режим прекращения огня будет поддерживаться.

Олигархическая политическая оппозиция, недовольная изменениями во власти, делает ставку на «раскачивание лодки». Не исключены сценарии дестабилизации на валютном и продовольственном рынке.

Следующий пик обострения – лето-2021 (открытие земельного рынка). Возможна дальнейшая дестабилизация ситуации в стране, в которой **региональные элиты будут делать ставку на политическую и электро-консолидацию в своих регионах.**

Экономическая ситуация в стране, учитывая объем внешних выплат в 2021 году (особенно – 3 квартал), может в таких условиях выйти из-под контроля правительства.

Реален риск новых Майданов уже осенью 2021 года, с участием мотивированных, организованных и вооруженных национал-патриотических сил.

В случае инспирирования Майдана высока вероятность краха «режима Зеленского». Ситуация приобретет хаотичный характер.

Крупные оппозиционные силы («Евросолидарность» П.Порошенко и ОПЗЖ В.Медведчука) будут ориентированы на свои

базовые регионы – Запад/Центр и Восток/Юг Украины. Новое противостояние может обернуться стихией самопровозглашений об автономиях, проведением межрегиональных съездов («северодонецкий синдром»), невыполнением решений Центра и т.д.

Угроза нового распада Украина станет реальной.

Обстоятельства. Учитывая, что это самый «короткий» сценарий, предположить его вероятный исход крайне сложно. Особенно если осенью 2021 года в Киеве и в областных центрах начнутся массовые бунты с участием парамилитарных организаций. У этого сценария нет внешних союзников, поскольку риски от кризиса и распада выше любых рациональных расчетов.

Вероятность – маловероятно.